

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ СТЕПАНОСА ДАШТЕЦИ

Г. К. МИРЗОЯН

До тридцатых годов нашего столетия крупный поэт и публицист XVII—XVIII вв. Степанос Даштеци оставался, можно сказать, вне поля зрения арменоведения. Правда, о нем уже ранее бегло высказывались авторитетные арменоведы М. Чамчян, Г. Зарбаналян, Г. Алишан, А. Ташян и другие, но изучением его литературного наследия никто, по существу, не занимался. В последующие десятилетия фигура Даштеци стала привлекать к себе определенное внимание, о его наследии, жизни и деятельности в той или иной связи писали А. Чопанян, С. Симонян, А. Абраамян, А. Ованнисян, Ст. Мелик-Бахшян, Р. Абраамян, А. Мнацаканян, А. Саакян и др. Но, во-первых, подавляющее большинство названных авторов рассматривало преимущественно стихотворные произведения Даштеци, и, во-вторых, предметом специального исследования его жизнь и деятельность не становились, если не считать вышедшей в свет в Бейруте в 1981 г. книги С. Симоняна «Новонайденный стихотворец Степанос Даштеци», в которой также рассмотрение творчества Даштеци ограничено жанровыми рамками. Между тем обстоятельное изучение литературного наследия Даштеци показывает, что для истории армянской культуры не меньшее значение имеют и создания Даштеци-прозаика. Именно в них он сообщает интересные сведения как о себе, так и о многих деятелях культуры современной ему эпохи, затрагивает вопросы общественно-политического, историко-филологического характера, причем его постановка и решение ряда таких вопросов сохраняют и на сегодня историко-познавательную и научную ценность.

Почти все труды Степаноса Даштеци носят догматико-полемический характер. Будучи горячим сторонником униатского движения, Даштеци считал, что армяне, как и другие христианские народы, должны принять католичество, признав верховенство римской церкви и папского престола. В соответствии с этим Даштеци самым резким образом противопоставлялся предводителям антиуниатского движения, прежде всего Александру Джугаеци (впоследствии католикосу) и Ованесу (Мркузу) Джугасци. Еще в 1687 г. Степанос Манукян (впоследствии католикос) в возглавляемой им типографии Новой Джуги издал одновременно два сочинения — «Книгу, называемую судной» Александра Джугаеци и «Вероисповедание армян» Ованеса Джугаеци, вызвавшие в среде сторонников униатского движения острейшее возмущение, сопротивление. Даштеци тогда же вознамерился дать отпор как одному, так и другому, но по обстоятельствам «многохлопотливых купеческих дел», вынуждающих к постоянному передвижению, осуществление замысла отложилось, и на первую книгу он ответил лишь спустя 19 лет, в 1706 г., сочинением «О направлении», а на вторую — с опозданием на 27 лет, в апреле 1714 г. начатым и в январе 1715 г. законченным сочинением «Клепало истины». Отметим, что последнее

дошло до нас в двух авторских рукописях¹, причем вверху страницы За второго варианта имеется помета: «эта выправлена». Из сопоставления двух рукописей выясняется, что хотя и вторая отредактирована и существенно улучшена, однако и первая не лишена ценности, поскольку содержит отдельные факты, суждения, отсутствующие во второй. В силу этого, основываясь на рукописи № 9049, мы обращаемся временами также и к рукописи № 8111.

С точки зрения истории армянской литературной мысли небезынтересны, на наш взгляд, обстоятельства создания этого сочинения.

Касаясь мотивов его написания, Даштеци отмечает, во-первых, что на протяжении прошедших 27 лет многие побуждали и уговаривали его взяться за этот труд, и, во-вторых, что повсюду—а именно в Индии, где он купечествовал в эти годы, — торговое дело стало невыгодным и опасным, и вот, «в скитаниях не находя утешения», он решил, что предпочтительнее вести спор с Ованесом Мркузом, нежели «пустословить на ветер и преклонять слух свой к голосу трех врагов — дьявола, плоти и мирских соблазнов» (9049, с. 154а). Наконец, третий и, пожалуй, наиболее важный мотив: Даштеци взялся писать, «дабы утишить сотрясения тверди своего малого мира и дабы он же грохоча не сокрушил меня» (там же). Ведь так же, говорится далее, как не находящие себе выхода и копящиеся где-то в недрах земли газы внезапно взрывают земную кору, производя сильнейшие землетрясения, так бывает и с разумным человеческим существом, когда зрит и слышит оно вещи неразумные, ошибочные, несправедливые: «...постепенно начинают нагнетаться пары, и скопившееся, не находя выхода под давлением противоборных сил, в безвыходности своей взрывает плотность и твердость равновесного естества и производит сотрясение малого мира — тела в его строении» (там же). Именно это испытывает сам Даштеци. «Когда привелось, — пишет он, — прочитать нам эту книгу... столько раздувающих легкие паров и вспучивающих вихрей сверхмерно скопилось, сгустилось в недрах земного шара моего, что невозможно стало сдерживать их, и хлынули и опрокинули они весь строй здания моей мысли» (там же, с. 155а). Ясно сознавая, что его дерзостная попытка у многих может вызвать непонимание и осуждение, он обращается к читателю с просьбой «оказать снисхождение, а не строгость, поощрять, а не порицать, милосердствовать, а не гневаться, сочувствовать, а не брезговать, поправлять, а не отворачиваться, ибо всецело ваш я, вашего роду и крови, нижайший слуга ваш Степанос Ширипалангян, Даштеци...» (там же).

Несмотря на то, что в целом сочинения Даштеци отмечены религиозной ограниченностью, субъективизмом и нетерпимостью, тем не менее в них нередко проступают примечательные в научном отношении мысли, суждения, невольно направленные против религии и церкви.

Чем же замечательна личность и труды Даштеци? До настоящего времени в арменоведческой литературе высказывались совершенно разные мнения относительно места и времени рождения Даштеци. Между тем выясняется, что родился он в 1653 г. в Исфагане, но поскольку его предки происходили из села Дашт области Гохти и вынужденно переселились в Исфаган во времена шахаббасовского «великого сургуна» (1604—1605 гг.), то в память о родине предков он и назвался Даштеци. Выясняется и другой примечательный биографический факт: поначалу Даштеци был служителем церкви, имел «степень дьякона», однако в дальнейшем, под давлением тяжелых обстоятельств существования армянского народа в сефевидском Иране, оказался вынужден, как и многие, оставить любимое поприще и сменить церковнический крест и молитвенник на купеческие счета, скитаться по разным странам «преходящих дел ради». Он побывал во многих странах и горо-

¹ Матенадаран им. М. Маштоца, рук. № 9049 и № 8111. Далее ссылки в тексте с указанием номера и страницы рукописи.

дах — от Голландии до Индии, составил знание о быте и нравах, обычаях, вере, общественно-политическом строе жизни, науке и культуре народов этих стран. Трудно сказать в точности, сколько всего языков знал Даштеци, однако достоверно, что он превосходно владел армянским, персидским, турецким, латинским, отчасти грузинским, по меньшей мере одним из языков Индии, возможно, и еврейским. Есть также основания предполагать, что Даштеци знал арабский и греческий, поскольку он говорит о себе, что был поборником и проповедником истины не только среди христианских народов, «но еще более среди других — среди язычников, среди персов, среди арабов и измаильтян, всюду, где довелось бывать, и среди индусов, и в доме греков» (8111, с. 215 б). В другом месте он говорит: «...воспитывался среди голландцев» (там же, с. 156 б). Не намер ли это на полученное им в Голландии образование? Во всяком случае, можно полагать, что знаком он был и с европейскими языками.

О стихотворениях Степаноса Даштеци А. Саакян пишет: «Они непосредственны, разговорны, как ашугские песни, словно сочинитель, сидя в окружении людей в «меджлисе», рассказывает что-то, прерывая рассказ свой различными восклицаниями»². Да, впечатление филолога верное, можно только уточнить: если не в «меджлисе», то, во всяком случае, на привалах торговых караванов Даштеци, по-видимому, именно как ашуг исполнял свои и чужие произведения; он, как об этом свидетельствует деталь текста, владел музыкальным инструментом, играл на «десятиструнке». «Вардапет, — обращается он к Ованесу Мркузу, — когда пальцы двух рук ипрают на десятиструнке, каждый из пальцев двух рук двигается своим особым движением и в отдельности, и насколько же тем умножается единичное существо отдельной моей личности» (9049, с. 46 а).

Помимо различных автобиографических подробностей Даштеци пространно дает свою характеристику, представляющую собой блестящий образец самооценки исторической личности, наглядную иллюстрацию глубокого различия между объективным содержанием и смыслом деятельности исторического лица и субъективным ее восприятием. «Я, — пишет Даштеци, — по роду-племени армянин и потомок Гайка, сын восприявшего благодать Святого Духа священника Тер-Барсега, сына ходжи Мелкума по прозвищу Шир, именуемого Палангом, сына достопочтенного священника Тер-Воскана, сына мужа достославного Сенекерима, из Дашта области Гохти, получивший воспитание и образование в армянских церквах, ревнитель истины, почитатель любви и согласия, искатель правды и справедливости, сердцем жаждущий правдолюбивых и таких, кто требует закона и любит истину и благонаправленность. Следовательно, и ненавистник лжи, злосердия, зависти и ожесточения. Без лицемерия и своскорыстия, не хвалящий ложь в моих сородичах и единокровниках и не отворачивающийся от истины и правоты других, чужеплеменных. Без жаления порицающий своих, если отходят они от истины, и не отвергающий чужих, если они поборники истины и благонаправленности. Но всегда стремился защищать право и между истинным и ложным не разбирать свое и чужое, хваля скромные и разумные обычаи и обряды, будь они даже в варварских или неверующих племенах, и обличая непристойные и мерзостные обычаи и установления, будь это даже обычаи моих предков. Ни перед кем не испытывая боязни, свидетельствовать во имя истины невзирая на великость имущества и достатка, в течение всей моей жизни во имя путей праведных, не взыскуя ни славы, ни величия, ни достигнутого с помощью других высокопоставления, супротив говоря уклонившимся от истины, как это известно всем, кто хотя бы издале-

² А. Саакян. Армянская поэзия позднего средневековья (XVI—XVII), Ереван, 1975, с. 316 (на арм. яз.).

ка о нас слышал, и еще более тем, кто в близости нас узнал» (там же, с. 180 б—181 а).

Сочинения Даштеци подтверждают, что он действительно является автором небольшой, но ценной хроники «Порядок царей индийских», впервые изданной и охарактеризованной Ст. Мелик-Бахшяном, условно приписавшим ее Даштеци³. Какими, однако, новыми фактами подтверждается авторство Даштеци? Во-первых, в названной хронике представлены в основном некоторые политические события, имевшие место в Индии в 1719 г. В частности, говорится, что в 1719 г. был свергнут занявший престол в 1712 г. Махмед Фарухсиар Фадшах, на смену которому в том же году пришли четыре царя. Причем, из пяти этих царей трое имели престол свой в Джаанапате, а последние двое — в Акпарабаде. В другом месте узнаем, что в 1712 г. кроме Ауренгзиба умер также и его сын Баадуршах⁴. Наконец, в своей хронике Даштеци в пункте 13-м перечня индийских царей сообщает, что сыном Ауренгзиба был также Азамшах, а сыном последнего и внуком Ауренгзиба — Махмед Фарухсиар Фадшах.

В сочинении Степаноса Даштеци «Клепало истины», написанном, как мы указали, в 1714—1715 гг., находим следующую примечательную запись: «60 000 человек умерли в дни войны Баадуршаха с младшим его братом Азамшахом» (там же, с. 79 а). Соотнося это сообщение с вышеизложенными фактами, мы можем, во-первых, сказать что в 1712 г., после смерти Ауренгзиба, началась война за престол между его сыновьями Баадуршахом и Азамшахом. Баадуршах, по-видимому, был убит, а на трон взошел сын Азамшаха Махмед Фарухсиар Фадшах. И, во-вторых, по нашему глубокому убеждению, навряд ли почти в одно и то же время (1714—1715 гг. и 1719 или 1720 г.) два армянских автора независимо друг от друга могли обратиться к одному и тому же событию в истории Индии.

Как сказано, трое из пяти царей, сменившихся в Индии в 1719 г., имели престол свой в Джаанапате. Понятно, что хронист, в точности указывающий дни и месяцы пребывания на троне царей в этом городе, скорее всего должен был жить в нем или поблизости от него. Оказывается, что после 1715 г. Даштеци был в Джаанапате, свидетельством чему мы находим в следующем рассказанном им эпизоде: «Во время пребывания нашего в доме некоего приятеля в престольном Шахиджаанпате, — пишет он, — некий юноша, когда танцевали перед нами наемные женщины, стал спрашивать меня, разбираюсь ли я и знаю ли толк в особенностях и оттенках их танцев. И я сказал в ответ ему, что я, грешный, от поры молодости дошел ныне до берега старости и могу ли я наравне с тобою понимать толк в подобных прелестях» (там же, с. 185 а). Исходя из всего этого, без колебаний можно утверждать, что Даштеци — действительный автор вышеупомянутой хроники.

Как было отмечено, Даштеци, подобно многим своим современникам, был вынужден избрать для себя занятие таким трудным, ненадежным и опасным делом, как торговля. Как поэт и мыслящий человек, голнуемый печальным настоящим и неясным будущим своего народа. Даштеци в редких передышках, выпадающих среди хлопот своего беспокойного и трудного дела, предавался не только стихотворству, но и размышлениям о состоянии и путях родного народа. Он думал, например, о том, почему армяне массово занимаются торговлей, вместо того чтобы служить в армии, посвящать себя наукам, искусствам, ремеслам.

И до Степаноса Даштеци, и после него вопрос этот привлекал внимание многих. Так, выдающийся французский мыслитель XVIII в.

³ См.: Ст. Мелик-Бахшян. Об одной хронике Степаноса Даштеци.—Науч. тр. Ереванского ун-та. Сер. ист. наук, 1955, вып. 2, с. 124.

⁴ См.: Матенадаран им. М. Маштоца, рук. № 1786, с. 42 а.

Монтескье, касаясь вопроса о том, какие народы занимают преимущественно торговлей, пишет: «Замечено, что люди, исповедующие религии, только терпимые государственной властью, оказываются обычно более полезными для отечества, чем те, которые принадлежат к господствующей вере, потому что первые лишены почестей и, имея возможность отличиться только пышностью и богатством, стремятся приобрести их трудом и берут на себя самые тяжкие общественные обязанности»⁵. Совершенно верно замечено Монтескье, что почти во всех странах в его время самые трудные и самые опасные виды общественной деятельности выпадали на долю народов, не принадлежащих к государственной признанной религии, или, что то же самое, народов неравноправных и угнетаемых в данной стране. Однако, как мыслитель-идеалист, он даст этому факту неверное, на наш взгляд, объяснение. В османской Турции и в сефевидском Иране торговлей занимались преимущественно греки, евреи, армяне. Главную причину этого едва ли можно усматривать в стремлении этих народов «отличиться пышностью и богатством», на то имелись гораздо более сложные и глубокие социально-политические причины и основания. Примечательно, что спустя десятилетия после Монтескье к вопросу этому обращался и великий немецкий философ-гуманист Иммануил Кант, который, исходя из принципа природности национального характера, пишет: «...У армян господствует какой-то торговый дух особого рода, а именно: они занимаются обменом, путешествуя пешком от границ Китая до мыса Корсо на Гвинейском берегу: это указывает на особое происхождение этого разумного и трудолюбивого народа, который, по направлению от северо-востока к юго-западу проходит почти весь Старый Свет и умеет найти радушный прием у всех народов, у которых они бывают; это доказывает превосходство их характера (первоначального формирования которого мы уже не в состоянии исследовать) перед... характером теперешних греков»⁶.

Между тем старший современник Монтескье и Канта, Степанос Даштеци, нелегкая судьба которого характерна для иранского армянина, вынужденного отказаться от сана священника и стать купцом, скитаться по всему свету, дает этому факту прямо противоположное объяснение. Основываясь на собственном горьком опыте, Даштеци справедливо считает, что армяне выбрали этот исполненный опасностей и тягот образ жизни отнюдь не по собственному желанию и предпочтению, а потому, что не имели «покоя и места, чтоб преклонить голову свою, и все это из-за захватчиков и владычества завоевателей наших, вследствие чего не в состоянии они приняться за военную, нотариальную или какую-либо иную службу при дворе царском, а также потому, что им не дают покоя, обирая и обкрадывая их, желая также помешать во всех искусствах, посему, отчаявшись найти где-нибудь средства к существованию, стали мы последователями искусства торговли и так разбрелись по белу свету и скитаемся по лицу земного шара. Посему мы появляемся повсюду и повсеместно из-за нашего искусства торговли, как среди христиан, так и среди людей иных исповеданий»⁷. Сопоставляя эти три точки зрения относительно одного и того же факта, правомерно, видимо, заключить, что взгляд на некое общественное явление извне и издалека по истинности своей существенно уступает изнутри увиденному и прочувствованному. Пусть даже первые два автора — выдающиеся философы, мыслители, так сказать, по профессии, а третий хоть и одарен от природы острой мыслью, наблюдательностью, писательскими способностями, но по роду занятий всего лишь купец и по склонностям — стихотворец...

⁵ Монтескье. Персидские письма. М., 1956, с. 205.

⁶ И. Кант. Соч. в 6 т., М., 1966, т. 6, с. 572—573.

⁷ Степанос Даштеци. Решето с крохами. Матен-и-чран им. М. Маштоца, рук. № 9689, с. 4. Далее ссылки в тексте.

Фактически, исходя из собственного примера и из опыта своего народа, Даштеци связывает развитость или неразвитость в той или иной нации наук, искусств и ремесел с социально-политическими условиями ее жизни. А если вспомнить мысль Энгельса о том, что в восточных деспотиях, в том числе в Турции и Иране, не было «первого основного условия буржуазного приобретения — обеспечения личности купца и его собственности»⁸, то можно ясно представить, насколько трудно было для оказавшихся под деспотическим гнетом армян заниматься даже торговым делом. С пониманием реального положения Даштеци и находит, что армянам гораздо необходимее заниматься науками, углубляться в знания, нежели другим народам, ибо последние «могут жезлом власти своей насильно заставить принять догматы, религию и веру свою, а мы и народ наш скорее подвластны жезлу, нежели властвуем им» (9689, с. 3).

Стоит отметить и то, что, описывая свою тяжкую долю купца, Даштеци тем самым показывает, насколько трудным и драматичным было в те времена положение занимающихся торговым делом армян (да и не только армян). «И я, неизлосчастнейший, — пишет он, — возвращен и многоопытен в пустых делах, быть может, питал себя пустыми надеждами и занимался делами бранными, в них же с ранних лет своих и по сию пору все еще кручусь и мечусь по лицу земли, как мяч игрушечный, ударившийся о двуглавую палицу. Порою шатаюсь, настигнутый волнением на море, а порой — на суше многомятежной терзаюсь, гонимый. Вечным пандухтом скитаюсь по чужбине — и в краях вьюг и стужи, и в краях знойных, палимых солнцем и иссушенных. То в стране греков и по всей Азии, то по странам Европы, наипаче же — по всем землям индийцев, одно только перечисление которых уже досадит слушателям, и где никто из нас не мог себе дать отдыха, ни даже очам сомкнуться...» (9049, с. 5 а). И что самое страшное: после стольких трудов, после всех перенесенных тревог, испытаний в последние годы жизни Даштеци оказался разоренным, потому что «вся торговля заморозилась и застыла, и выгода торговая исеякла и преуменьшилась у всех и повсюду, как это известно всем видевшим» (там же, с. 154 а).

По мнению Даштеци, на развитии армянской культуры и книжности, наряду с гнетом чужезластия, с немалой отрицательной ролью сказались и вековая борьба, которую вела армянская церковь, в частности против халкидонитства. Даштеци считает, что армянские авторы, движимые нередко предвзятостью, нетерпимостью, умышленно искажали мысли своих идейных противников, а некоторые, идя еще дальше, на свой лад переиначивали и перетолковывали даже известнейшие религиозные сочинения, в том числе и книги Нового Завета. В подтверждение Даштеци ссылается на то, что содеяно было с принадлежащим уроженцам села Дашт и хранимым в исфаганской церкви Григора Просветителя Евангелием: «...писанное золотом на пергаменте и в золоченом окладе Евангелие, подаренное ходжа-Мануком, отцом ходжа-Агазара из Дашта, кое можете взять вы и увидеть неглубокое бесстыдство непристойного человека, протянувшего руку к спасительному завету Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, дабы грабительски выкрасть из него слова священные» (там же, с. 180 а). Вот по какой причине, пишет Даштеци, «привели в беспорядок, путаницу и смешение все книги армянской церкви, грабительски изъяли из них многие речения святых отцов, основания правоверности, и переначили, перетолковали, исказили согласные с вселенской Христовой церковью истинные речи и заменили их еретическими речами злонамеренных сектантов и некоторых лживых, притворствующих и богопротивных вардапетов; так многочисленные церковные книги армян пре-

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 2, с. 22.

терпели ранения и усеялись рубцами — и Айсмавурк, и Шаракноц, и Жития отцов, и Истории, и собрания речей, и некоторые из посланий, кои получали наши церкви от греков и из Рима через бывавших там, а также в разное время писанные к греческой церкви и к папскому престолу в Рим послания наших святейших патриархов, и искажены были праздники и синаксарий, и изменились вообще установления и обычаи нации деянием рук лживых вардапетов» (там же). Хотя в такой постановке вопроса есть у Даштеци и рациональное зерно, однако следует сказать, что предвзятость ревностного сторонника униатского движения помешала и ему самому увидеть не меньшее, если не большее, проявление того же в лагере противоположном.

Из этого, хотя и одностороннего, но по существу верного подхода Даштеци делает интересное в историко-филологическом плане заключение. На ряде примеров он показывает, что вследствие длительной борьбы вокруг вероисповедания в армянской словесности возникло немало фальсифицированных сочинений, ибо бесталанные авторы, дабы придать весомость своим писаниям, «стали именами великих просветителей и вардапетов армянских кормить наш наивный, с голубиным нравом народ, и писали в своих предисловиях, как, например, один, что сие есть воплощение святого Григора к его ангелу, с коим обратился он еще до заточения в Вирап. А другой — что сие есть вероизложение святого Нерсеса Класци, писанное греческому императору Мануилу и патриарху Германиусу, а само преисполнено заблуждением и недомыслием. И еще некто — что сие есть прения Мовсеса Хоренаци, Павла, Абраама и философа Давида Анахта, кои имели они в Константинополе с греческими вардапетами-халкидонитами в присутствии императора Маркиана, и преисполнено это бесчисленным суесловием, словесами умопомраченных и одержимых бесом, каковыя слова, с приязнью их восприняв, вардапеты монастыря Всеспасителя в Новой Джуге и его настоятель тер-Степанос благословили к напечатанию» (8111, с. 194 б). Такого рода литература, по мнению Даштеци, порождает множество недоразумений и заблуждений, подрывает честь и авторитет крупнейших деятелей армянской культуры. Пора представить все это, говорит Даштеци, на суд разума, дабы отделить зерна от плевел. А для этого необходимо «изложение и стиль исторических книг Мовсеса сравнить с сим изложением помраченного ума и увидеть, таковы ли изложение и стиль Мовсеса, тем паче же знание его и учение» (там же, с. 196 а). При всей своей религиозной подоплеке это требование Даштеци, несомненно, обладает научной значимостью и по сей день сохраняет силу принципиально верного способа рассмотрения и разрешения филологических вопросов. Следуя этому принципу, Даштеци сам вскрывает «лживость бесстыдных и бессмысленных сочинителей, кои приписали именам философа Давида Анахта и великого вардапета Мовсеса Хоренаци умопомраченные пустопорожние прения» (там же, с. 195 а).

Известно, что с подъемом армянского национально-освободительного движения в XVII в. связан беспрецедентный рост интереса к фигуре и наследию Хоренаци. Достаточно сказать, что подавляющее большинство дошедших до нас списков его «Истории Армении» (более 40 из 67 списков) сделано было именно в XVII в. и, в частности, во второй его половине. Тогда же и было осуществлено первое печатное издание этого шедевра армянской историографии, послужившее основой для других армянских и иноязычных изданий. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что в XVII в. фактически закладывается основа хоренациведения в подлинном смысле этого слова. Изучая сочинения Степаноса Даштеци, можно увидеть, что он затрагивал такие вопросы хоренациведения, которые привлекали внимание и впоследствии. Вспомним хотя бы о полемике относительно халкидонитства Хоренаци, возникшей в сороковые годы нашего века между видными арменистами Ст. Малхасяном и Е. Тер-Минасяном. Даштеци считает, что

еще до Халкидонского собора Хоренаци вместе с несколькими молодыми армянами отправился в Грецию и в дни собора уже находился в Афинах, т. е. поблизости от Халкидона. Известившись о соборе, Хоренаци, по мнению Степаноса Даштеци, должен был с целью участия в нем направиться в Халкидон. Более того, Даштеци глубоко убежден, что Хоренаци не только участвовал в Халкидонском соборе, но и поведал об этом со всеми подробностями в своей «Истории Армении». Причем, как деятель, получивший образование и воспитание в Греции и, соответственно, с грекофильской ориентацией, Хоренаци в своем труде проявил признанное отношение к решениям Халкидонского собора. Именно по этой причине впоследствии, как полагает Даштеци, «богопротивные ненавистники истины, враги священного того же собора изъяли и выкинули (это) из книги Истории, что было в ее конце, как свидетельствует о месте порядок его повествования и истории» (9049, с. 179 б).

В этой связи заслуживает внимания и замечание Даштеци о том, что Мовсес Хоренаци и Давид Анахт — авторитеты, чтимые не только армянской, но и греческой церковью. Его глубоко удивляет то обстоятельство, что не находится пьсье среди снискавших себе славу армянских вардапетов «сочувствователя и ревнителя творения Мовсеса Хоренаци и глубокоумудрого отца-наставителя, философа Давида Анахта, чьи познания и премудрости получили приятие и распространение в церквах армянских, а тем более что и в церквах греческих» (8111, с. 199 а).

Трудно, конечно, строить предположения о том, какую документальную основу могли иметь эти сообщения Даштеци. Быть может, здесь впечатление, которое он вынес из посещения греческих церквей в различных местах, из общения с греческим духовенством. Как бы то ни было, мы имеем новое свидетельство тому, что Мовсес Хоренаци и Давид Анахт пользовались высоким авторитетом не только в Армении, но и за ее пределами.

В произведениях Даштеци содержатся любопытные сведения о различных сторонах жизни ряда народов Европы и Азии. Вот что рассказывает он, к примеру, касаясь вопроса о том, что осквернение символов государственной власти есть не что иное, как оскорбление главы государства, государя: «По тому же примеру и по сей причине в наши дни повержен был крупный и богатый город Генуя руками французов по повелению победительного монарха Людовика Четырнадцатого. Потому что непристойные и наглые люди из генуэзцев ночью пошли и осквернили изображение короля и флаг на дворах посланника Людовика Великого, о чем тот же посланник и известил короля. Вследствие чего король в отместку послал множество сил и расправился с этим городом, не пощадив никого, ни дворцы, ни замки, ни храмы, ни монастыри» (9689, с. 56—57). Думается, что сообщение это может представить определенный интерес для занимающихся биографией короля-Солнца и историей франко-женевских отношений.

Вышеизложенным не исчерпывается познавательная и историко-филологическая ценность произведений Даштеци, но и это, думается, в достаточной степени убеждает, что жизнь, деятельность и литературное наследие Степаноса Даштеци заслуживают обстоятельного изучения, которое, с одной стороны, позволит создать целостное представление об этом противоречивом и сложном писателе и деятеле и, с другой стороны, существенно обогатит наши знания о некоторых сторонах и вопросах истории армянской культуры XVII—XVIII вв.

2. Ղ. ՄԻՐՉՈՅԱՆ — Ստեփանոս Գաշտեցու գրական ժառանգականությունը (պատմա-բանասիրական դիտողություններ)։ — Մինչև օրս XVII—XVIII

դդ. հայ նշանավոր բանաստեղծ Ստեփանոս Դաշտեցու գրական ժառանգության ուսումնասիրողները հիմնականում ուշադրություն են դարձրել նրա շափածո ստեղծագործությունների վրա: Մինչդեռ հեղինակի կարծիքով հայ մշակույթի պատմության համար ոչ պակաս կարևոր նշանակություն ունեն նաև արձակ երկերը, որոնք լինելով անտիպ, ըստ էության մատնվել են անուշադրության: Հենց դրանցում է, որ Դաշտեցին բավական հետաքրքիր տեղեկություններ է հայտնում ինչպես իր, այնպես էլ ժամանակի մշակութային գործիչներից շատերի մասին, արժարժում հասարակական-քաղաքական, պատմաբանասիրական և այլ կարգի հարցեր, արտահայտում ուշագրավ մտքեր աշխարհի այլևայլ ժողովուրդների ու երկրների մասին: Դաշտեցու արձակ երկերը, հեղինակի համոզմամբ, օգնում են ավելի ճիշտ հասկանալու իր իսկ շափածո ստեղծագործություններում արտահայտած առանձին մտքեր ու դատողություններ, ճշտելու նրա կյանքի ու գործունեության հետ կապված որոշ փաստեր, ամբողջացնելու այդ բարդ ու հակասական գործչի բնութագիրը, ինչպես նաև՝ էպոսի հարստացնելու մեր դիտելիքները XVII—XVIII դդ. հայ մշակույթի պատմության վերաբերյալ: